3. *Шапсугов Д.Ю.* Проблемы диалектики правового познания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2007. № 4; Исходный пункт диалектического правового познания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2008. № 1.

4. *Асланян Н.П.* Понятие гражданско-правовой реальности. Интернет-ресурс.

5. *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.

6. *Бачинин В.А., Сальников В.П.* Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. СПб., 2005.

7. *Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 2005.

8. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999.

9. *Алексеев Н.Н.* Там же; Кельзен Г. Основные проблемы государственного права.

10. *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2012.

11. Одной из интересных, весьма редких работ, посвященных этой теме, является монография *А.И. Овчинникова и С.П. Овчинниковой* Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева / Под ред. П.А. Баранова. Ростов н/Д. 2002.

УДК 340

Супатаев М.А.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются проблемы легитимации российского права в современных условиях. Исследуется взаимосвязь между культурой и легитимностью права в аспекте социокультурной специфики российского общества. Формулируется вывод об использовании алгоритмов российской культуры (как особого типа цивилизации) в решении аналитических и практических задач легитимации и развития права с учетом динамики глобальной культуры, совместимой с постиндустриальными экономическими связями.

The article analyzes the problems of legitimation of the Russian law in modern conditions. The author researches the connection between culture and legitimation of law in the aspect of socio-cultural peculiarity of the Russian society. The conclusion is made on the use of algorithms of the Russian culture (as a special type of civilization) in solving of analytical and practical tasks of ligitimation and law development, taking into account the dynamics of global culture, which is compatible with postindustrial economic connections.

Ключевые слова: *легитимация, право, культура.*

Keywords: *legitimation, law, culture.*

Тема легитимации позитивного права в отечественной теории и философии права в последнее время становится не только актуальной, но и в каком-то смысле сакраментальной. Вероятно, это связано с тем, что в эпоху смены научных парадигм то, что раньше казалось простым, стало вдруг сложным и непонятным.

Когда модернизационные процессы открылись исследователям с самых неожиданных сторон и идеи радикальных либеральных реформ, получивших воплощение в российском законодательстве, обнаружили свою недостаточность, а подчас и явную неадекватность социальным ориентациям и ожиданиям в обществе, акценты стали смещаться в сторону тех понятий и слов, которые, используясь прежде, так сказать, в обыденном, «общепринятом» значении, теперь обрели статус важнейших категорий обществознания. В их числе – категория культуры, позволяющая содержательно и разносторонне раскрыть суть ценностного обоснования права в обществе.

На том историческом этапе, который переживает Россия, традиционный пласт культуры едва ли исчерпан. Он, «если угодно, уходит в подпочву».

Речь идет о том, что «просвечивает из глубины, находится на уровне не всегда очевидных, но очень важных интенций» [1, с. 7] и требует специального исследования в контексте легитимности и устойчивости юридических норм, эффективности правового регулирования на современном этапе развития общества.

Указанная проблема особенно актуальна в условиях так называемого социокультурного «пограничья» [2], характерного не только для российской цивилизации, совмещающей в себе характеристики, присущие различным цивилизационным типам, но, например, и для иберо-американской цивилизации. К последней относятся страны к югу от Рио-Гранде, а также Португалия и Испания, что нашло свое отражение в ставшем общим местом утверждении о том, что «Европа заканчивается за Пиринеями».

Если воспользоваться веберовским определением легитимности, близким по значению к понятию «престижа» или «значимости» [3, с. 637 – 630], то становится очевидным, что легитимность российского права зависит от признания и поддержки его норм самыми широкими слоями многонационального народа России, характеризующегося чрезвычайной социокультурной разнородностью.

Стало быть, если речь идет о макропроцессах обеспечения действенности юридических норм, стабильности и прочности правопорядка, пожалуй, одной из главных задач является исследование культурных оснований этих процессов, которое могло бы создать контекст для полноценной и содержательной концептуализации понятия легитимности права.

Но, начиная разговор о феномене взаимосвязи культуры и легитимности, следует прежде всего дать рабочее определение культуры. Таковых со времен Л. Уайта [4] набралось немало, но проблема состоит в том, что культура по природе своей – феномен стереометрический (многоплановый и комплексный) и потому ускользающий от линейных определений, которые отражают лишь отдельные аспекты, не охватывая всей комплексной полноты явления.

В самом общем и сжатом виде можно сказать, что культура – это система духовного производства (понятие, раскрытое еще К. Марксом и получившее развитие в ряде работ отечественных авторов) [5]. Возникнув в тесной связи с материальными предпосылками как средство адаптации человеческого вида к природным условиям, а также к тем социальным последствиям, которые вытекают из прогрессирующего освоения этим видом природной среды, культура обретает собственные закономерности и оказывает целостное, интегрирующее влияние на решительно все компоненты социального регулирования. Она выступает как определяющий фактор в социальной системе и ее динамике.

Как отмечалось, такой подход, позволяет рассматривать культуру как предтечу права, выявить происхождение юридических норм, конституирующих, наряду с другими нормами (политическими, религиозными, нравственными, эстетическими, языковыми и т.д.) культуру. Но не менее очевидна роль права как инструмента стабилизации культуры, важного средства привнесения в общество новых идей и культурных ценностей [6, с. 8]. При этом легитимность выступает как конститутивный момент всякого социального действия [7], включая юридические действия отдельных индивидов, ориентирующихся на эти идеи и ценности.

Ядром культуры является производство духовных стандартов, ценностей, убеждений, ориентаций и др., т.е. программ поведения людей, кодируемых в смыслах (словах, понятиях, знаках). Рассматривая авторитетность как одно из сущностных качеств права (наряду с нормативностью, системностью, формальной определенностью и др.), без которых права не может быть, без которых оно не действует, не выполняет своей социальной роли, О.Е. Лейст справедливо подчеркивает, что «право не должно пребывать в постоянном конфликте с религиозными, моральными и иными общепризнанными ценностями данного общества, его традициями и нравами» [8].

Компоненты культуры (традиции, ценности, нравы и прочее) можно перечислять достаточно долго. Все это хотя и важные, но частности, суть внешние, производные феномены. Это подводит нас к еще одному определению культуры как системы всеобщих принципов смыслообразования и самих продуктов процесса смыслогенезиса [9]. Это и понятно, поскольку основой органической, «цементирующей» связи между различными компонентами культурной системы выступает единство принципов смыслообразования. Принципы смыслообразования и результаты этого процесса составляют пространство культуры. Разворачивание смыслов

и взаимодействие смыслов и психики человека задают собой природу человеческой ментальности, значимым образом обусловливают правозначимое поведение индивидов, их жизненный путь и судьбу.

Кроме того, такой подход позволяет рассматривать культуру как основание крупных культурных общностей – цивилизаций, выражающих качественное своеобразие общества и заключающих в себе высшие духовные смыслы и конечные ценности, которые цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах [10, с. 378]. Представляя собой целостные системы, цивилизации значимым образом определяют существенные процессы и изменения, происходящие в огромном социокультурном пространстве, в том числе жизнедеятельность малых социокультурных единиц, групп или индивидов, их правовую культуру, их жизненный путь и судьбу.

Так, если закрепленный в конституциях западных стран институт разделения властей – это неотъемлемая часть правовой культуры (как подсистемы более широкой системы – социокультуры), достоинство которого (впрочем, как и самой конституции) в этих странах в целом никогда не подвергается сомнению, то во многих незападных (восточных) обществах тот же зафиксированный в конституциях институт – вовсе не часть (или пока еще не часть) правовой культуры, а скорее предмет бурных обсуждений.

Таким образом, один из путей рассмотрения легитимности права – рассмотрение ее не только как одного из сущностностных (или существенных) качеств права, но и как культурного феномена, включающего такие представления о нормах права, которые, пользуясь выражением Г.К. Триандиса, «очевидно, приемлемы» [11, с. 36] в целом для общества и не нуждаются в каком-либо обсуждении.

Но проникновение в логику взаимосвязи культуры и легитимности права имело бы мало ценности без исследования механизма культурной динамики в обществе.

В этой связи следует коснуться ротационного цикла явлений культуры, основанного на существовании двух основных разновидностей социальной культуры и очень часто увеличивающего в значительной степени вероятность ориентации поведения на данный «порядок», под которым М. Вебер, в частности, понимал право, «если порядок внешне гарантирован возможностью (морального или физического) принуждения, осуществляемого особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы» [3, с. 640].

Долгое время считалось аксиомой, что основная масса правовых норм не проходит всего ротационного цикла большинства явлений культуры. Указанный цикл, как известно, заключается в том. что многие элементы духовной культуры господствующих социальных сил или непосредственно обычно заимствуются из народной культуры, или имеют в ней достаточно глубокие корни. Дальнейшая судьба таких элементов элитарной культуры состоит обычно в том, что они перерабатываются на профессиональном уровне сообразно запросам и вкусам правящих сил и со временем, теряя свой элитарный, престижный, знаковый характер и постепенно опускаясь по ступенькам социальной лестницы, в конечном счете вновь становятся элементами всеобщей народной культуры [12, с. 31]. Перенимая элитарную культуру, «народ, по выражению немецкого исследователя Х. Наумана, собственно говоря, берет назад то, что ему принадлежало» [13].

Так в постоянном круговороте обмена культурным достоянием по вертикали (между различными частями общества) происходит развитие духовной культуры социума. Именно поняв эту общую схему, можно обнаружить тот элементарный социокультурный механизм, который действует в обществе, когда речь идет о формировании, динамике и легитимности права, представить себе некоторые из основных пружин этого механизма.

К числу его особенностей следует отнести: замкнутый контур обращения большинства явлений культуры, охватывающий потребителей и творцов культуры, последовательность этапов распространения культуры, идущей от создателей культурных ценностей к среде потребителей культуры, обратное воздействие культурной среды на создателей культуры, отличающееся масштабами и качеством.

Таким образом, понятие ротационного цикла помогает выявить правила взаимодействия явлений культуры, знание которых позволяет влиять на характеристики циклов, а тем самым на саму культуру некой социальной общности. Такое возможное влияние на циклы играет весьма важную роль в формировании правовой культуры и поведенческих

ориентаций человека, поскольку он включен в соответствующую культуру социума.

Именно по этой причине многие социологи права (Дж. Мэримэн и др.), говоря о правовой культуре как неотъемлемой части общей культуры народа и основополагающем факторе, предопределяющем формирование, реализацию и легитимность права, рассматривают ее с двух позиций: «внутренней» правовой культуры или профессиональной (элитарной) правовой культуры, прежде всего правовой культуры законодателей и судей, всегда претендующей на всеобщность (универсальность), и так называемой внешней правовой культуры или правовой культуры самых широких слоев населения страны [14, с. 508], включающей в себя правовые знания и правовой менталитет, соответствующие представления о «должном» (нормативные убеждения), а также правовые настроения и чувства, включая чувство правовой патологии.

Каждый набор культурных значений во «внешней» и «внутренней» правовых культурах обусловливает степень, в которой правовая система оказывается восприимчивой к ротационным циклам культурных изменений и определяет динамику. Даже в условиях самого гомогенного (относительно), метакультурного (цивилизационного) сообщества существуют определенные различия между «внешней» и «внутренней» правовыми культурами, «отделяющими правовую систему» от остальной части общества, особенно по «краям централизованных особенностей юридических культур, воплощаемых в конституциях, кодексах и законах» [14].

Понятно, что чем больше разрыв между «внутренней» и «внешней» правовыми культурами, особенно в условиях «социокультурного пограничья», тем больше формальный характер права, тем меньше степень легитимности (признания) его норм.

Тем не менее вплоть до недавних времен сохранялась убежденность, проистекавшая не только из позитивистских взглядов на право, но и из известного понимания права как «правового закона» (права как сущности и как явления) [15], что юридические нормы, как правило, формулируются профессионалами и только затем становятся достоянием широких слоев населения [16].

Разумеется, юридические новшества (инновации) входят в систему культуры общества и другими путями, не только путем создания их внутри общества, но и путем «трансферта», т.е. заимствования и передачи элементов культуры по горизонтали, в частности, достижений правовой культуры более развитых обществ в отсталые (чаще происходящего в элитарной среде) с последующим распространением этих элементов в массы.

В этой сети отношений создается то взаимодействие локальных и универсальных элементов культуры, в котором складывается глобальная культура, присущая современному миропорядку и снимающая ограничения прежних социально-культурных образований, что подтверждается международным правом, которое становится инструментом гармонизации национально-правовых систем. При этом основная нагрузка на гармонизацию национально-правовых систем, осуществляемую в форме унификации права путем заключения международных договоров, ложится на международное частное право [17, с. 68].

Однако эти заимствования и взаимодействия отнюдь не проявляют тенденции к стиранию или исчезновению этнических, национальных и цивилизационных оснований легитимности права, а всеобщие правовые заимствования так или иначе адаптируются к местным условиям.

Универсализуя одни аспекты и локусы взаимодействия, глобализация дает простор разнообразию других аспектов и локусов, В этих условиях возникают такие противостоящие друг другу перспективы, как столкновение или диалог мировых цивилизаций, каждая из которых ведет к возникновению особого мирового порядка, особого правопорядка во внутригосударственных и международных отношениях,

Как уже отмечалось Б.С. Ерасовым, одна из важнейших функций цивилизации как крупного культурно-исторического образования – хранить время и связывать настоящее с прошлым и будущим [18, с. 220].

Внедрение более аналитических подходов в культурологию и теорию цивилизаций привело к выявлению различных вариантов цивилизационной изменений, способных поддерживать преемственность в культуре и праве, вопреки смене формационных факторов. Учет стабильности указанных вариантов (типов) изменений, поддерживающих жизнедеятельность основной массы населения в приемлемых для него самобытных формах – необходимое условие для проведения легитимных и успешных законодательных реформ.

Лишь на Западе доминирует представление о прогрессистско-линейном (эволюционном развитии) мировой истории.

В мировоззренческих же устоях восточных обществ отсутствовало понятие развития как поступательного движения вперед, т.е. прогресса прежде всего в экономической сфере, в них прочно укоренено представление о динамических изменениях истории в заданных рамках, выход за которые означает разложение и гибель в неевропейском понимании. Здесь на каждом новом онтологическом витке общество движется как бы по «кругу», повторяя себя на протяжении многих поколений. Запад, напротив, выходил за эти рамки, отталкиваясь от наследия неевропейских культур, которое он усваивал, перерабатывал и преобразовывал. Отсюда подмечена К. Ясперсом непрерывность в формировании западной культуры [19, с. 83].

При инверсии, наиболее характерной для обществ, находящихся в точках межцивилизационного напряжения, на стыке мировых цивилизаций и культур, изменения, напротив, идут не по «кругу», а совершают «маятниковые качания» – от одного полюса культурных значений к другому [20], от одной революции и смуты к другой при значительном разрушении накопленного, в периоды от нескольких десятков лет до нескольких веков, и могут охватывать как духовные, так и социальные, политические, государственные и правовые изменения. Такие перепады возникают тогда, когда в культуре не сложилось достаточно устойчивое ядро, «золотая середина» или прочная структура. Устойчивое цивилизационное устроение общества предполагает упрочение медиативных факторов, которые формируют «срединную» культуру.

Преодоление представлений об однолинейности исторического развития дало возможность выявить характер и причины фазового (стадиального) или этапного типа цивилизационной динамики (стадии созревания, расцвета и роста), к которому применима историческая периодизация в соответствии с господствующим типом социальных отношений. Но многовариантность и плюрализм цивилизационной динамики как в синхронном (пространственном) измерении, так и в диахронном срезе (в историческом плане) и ее влияние на легитимацию права не отменяют других начал в духовном производстве, постоянно сохраняющем свою сложную, разноуровневую и полиморфную структуру (механизм) ротации культурных явлений, обеспечивающую на уровне народной культуры ориентацию на значимые модели правовой регламентации общественных отношений.

Теперь уже ясно, что именно с нарушениями ротационных процессов в культурной жизни российского народа и отрывом интересов отечественных либеральных кругов от народной жизни и социокультурных (цивилизационных) особенностей российской народа как носителя и потребителя создаваемых самобытных культурных ценностей, и тем самым фактическим устранением народа от процесса принятия политических решений (в том числе юридических норм), связаны и низкая индикация легитимности и коммуникативности [21] юридических норм и (как следствие) чрезвычайно малая, если не «отрицательная», эффективность правообразовательной деятельности.

Ее главная черта – формирование права преимущественно «сверху». Его суть можно определить как « галопирующую инфляцию», «гигантизм» или «фантом» законодательства, выражающиеся в погоне за неосуществимыми, призрачными, грандиозными проектами юридических и социальных реформ, которые остаются только на бумаге, только в текстах принятых законов.

Отсюда неконтролируемый рост нормативного материала, вводимого законодательными актами, еще большее отчуждение человека от закона и «утрата доверия к формальным источникам права» [22, с. 21]. Возникают противоречия между различными актами, сложности в сопряжении норм, различия в толковании, а также подчас напряженность или тупиковые ситуации в решении юридических вопросов. По этой причине право само может подорвать свой авторитет и рискует оказаться погребенным.

Это в полном смысле «стратегический дрейф», результат которого независимо от плоской технократической ориентации либерального истеблишмента проявляется как бы стихийно, поскольку опирается на мощь базисных архетипов российской цивилизации и соответствующие особенности «внешней» правовой культуры, которые не выявлены и не эксплицированы в достаточной мере не только в современной российской гуманитарной науке, но и в юридической отрасли знания.

В это время может разворачиваться сколь угодное противостояние модернизационных (ин-

новационных) идей и традиционных культурных архетипов, однако к концу, как правило, бурного десятилетия происходит «абортивный сброс» сложности и постепенная кристаллизация юридических реалий, основанных именно на базисных архетипах «внешней» правовой культуры и цивилизации.

Очередной этап этого процесса, как указывают И. Яковенко и А. Музыкантский, и разворачивается последние полтора десятилетия на наших глазах [23, с. 317 – 318]. На излете очередного витка российской истории (либерального или манихейского, если следовать вышеназванным исследователям манихео-гностического комплекса в российской цивилизации) умами широких слоев населения вновь овладевает правовой нигилизм, чувства неопределенности и безысходности («богооставленности» в терминах гностицизма), растерянность и страх перед будущим.

Замечено также, что в подобного рода кризисные периоды развития культуры не только в широких народных массах, но и в высших (элитарных) слоях общества, которые получают от данного строя некие привилегии и извлекают из него определенную материальную выгоду, наблюдаются утрата уважения к существующему праву, с неизбежностью наступает этическая деградация и упадок, появляются и ширятся злоупотребления компрометирующего характера [24, с. 883].

Можно, разумеется, попытаться построить в стране (в которой нет и не было протестантской этики) модель своеобразного российского «европеизма» (выражение А.А. Пелипенко). Этакое запоздалое на 500 лет Новое время с российскими правовыми аналогами периода «Чинквиченто» (высокого Возрождения), Реформации и Просвещения «при полном отсутствии той междуклеточной ткани социальных отношений, которая, – по словам П.Н. Милюкова, – вырабатывается культурным процессом и одна может обеспечить непрерывность социального действия…» [25, с. 151].

Но любого рода движение в этом направлении, по-видимому, возможно лишь при качественном изменении всей культурно-цивилизационной ситуации в России, а не только ее геополитического статуса. Только в этом случае можно надеяться на тот самый полумистический сдвиг в небесах, который вмиг превращает этнонацию, каковой является Россия, в политическую нацию. К тому же современный Запад – это не исторически неизменный светлый берег окончательного решения всех цивилизационных проблем, не «Свет», противопоставляемый «Тьме» в духе традиционного российского манихео-гностического видения мира. Пути собственных трансформаций Запада неясны, и перспективы его отнюдь не оптимистичны. Похоже поезд западного либерализма, который был для российского западника единственной надеждой, все-таки прибыл на конечную станцию [26]. И бежать за ним, задрав штаны, трагически поздно. Все надо делать вовремя [27].

Это тем более так, что сегодня мы живем в эпоху затяжного, системного кризиса или даже «агонии» западного либерализма как «геокультуры современной миросистемы» (по выражению видного американского социолога И. Валлерстайна)[28, с. 5, 234], который, все больше теряя свою престижность, находится на пороге перемен, способных привести к возникновению совершенно нового миропорядка.

Одним из характерных проявлений указанного кризиса, особенно в его крайнем варианте неолиберализма с отказом от ответственности перед обществом и библейских ценностей, массированным продвижением интересов индивида в противовес неким общим ценностям, носящим, по мнению этого ученого, безвыходный, тупиковый характер, является, как подчеркивает он, глубокие и непреодолимые, внутренние противоречия между индивидуальными и коллективными правами человека («правами индивида» и «правами народов», правами «своих» и правами «чужаков»), что, на наш взгляд, не лишено основания.

Если у всех народов равные права и у всех индивидов равные права, а последние, по мнению некоторых отечественных ученых, даже более равны в своих правах, чем народы, то возможность пользоваться некоторыми неотчуждаемыми и неотъемлемыми правами человека (как гражданина мира), скажем, на свободу передвижения и поиск работы всюду, где бы она не находилась, должна быть предоставлена всем независимо от гражданства, расовой, национальной и культурной принадлежности. Но правовая политика, а равно юридическая наука в западных странах (Англии, Германии, Франции и др.) (и не только там, достаточно указать на предлагаемые российскими юристами государственные меры по «селективному» привлечению определенной части мигрантов) [29, с. 245] идут вовсе не в

этом направлении, воздвигая все новые и новые юридические барьеры, с тем чтобы отказаться от идеи открытых границ, отгородиться от населения своих бывших колоний и выходцев из государств Восточной Европы и иных развивающихся стран. В США даже губернатор Калифорнии, крупнейшего штата страны, призвал к принятию поправки к Конституции США, которая положила бы конец одной из наиболее чтимых правовых традиций – jus soli, в силу которой любой человек, рожденный на территории США, становился гражданином этого государства «по праву почвы».

Таким образом, либерализм сегодня загнан в угол собственной логикой, хотя и продолжает утверждать законность права индивида и чуть менее громко прав народов.

Кризис тотален. Дилемма тотальна. Но если это открыто признать, замечает И. Валлерстайн, если отказаться от либеральной риторики, то современная неэгалитарная мироэкономика может утратить свою легитимность в глазах «опасных» (обездоленных) «классов». А если эта система, столь настойчиво следовавшая своей логике бесконечного накопления капитала, что стала приближаться к своему теоретическому идеалу – превращению всего и вся в капитал, лишена легитимности, она не выживет [28, с. 141 – 167].

В этих условиях идеология либерализма, несущая опасность социально ориентированным демократическим обществам и грозящая приближающимся истощением экосистемы, утрачивает свою исключительную привлекательность и веру в нее и происходят дополнительные напряжения и инверсия ценностей: все более значимыми и востребованными становятся признание долга и обязанностей человека по отношению к обществу и окружающему миру, ранее предполагавшиеся несовместимыми с либерализмом.

Первой жертвой указанных напряжений становится легитимность государственных структур и тем самым их способность поддерживать правовой порядок. По мере того как они будут терять эту способность, последует дальнейшее ослабление легитимности самого права. И делегитимизация не прогнозы, о которых еще в начале 70х годов XX в. писал Ю. Хабермас [30], – это уже настоящее. Мы видим его в крайней неэффективности правовых моделей либерально-монетарного самоуправления экономики, в гигантски возросшем чувстве незащищенности большинства людей – озабоченности невозможностью добиться справедливости в социальной сфере (вследствие крайностей неограниченной экономической свободы), немотивированным насилием и коррупцией, многократно умножившимися в последние 10 – 15 лет [30, с. 248].

Важную роль в этом процессе играет и «усталость» европейской культуры модерна, выразившаяся в ситуации постмодерна (нередко определяемого как «постэпоха» – постлиберальная, посткапиталистическая и т.д.) с его отказом от «больших «нарративов», придающих смысл миру (Ж-Ф. Лиотар), коллажностью и нарастанием релятивизма базовых европейских ценностей (неограниченной свободы личности, идеалов прогресса, плюрализма и др.). Постмодерн ищет «зоны свободы не в личностно-субъективной сфере, а в ее деконструкции, в различной центрации и семантизации текста, «годящегося, наверное, быть предисловьем бесконечным к другому тексту» [3]. Как уже отмечалось, текст, значение и смысл прав человека в наши дни, словно по мановению волшебной палочки отделились друг от друга и завертелись, как снежинки, в вихре глобализации. И быть может, одна из ближайших задач, стоящих перед философией права – поиск их единства [32, с. 30].

Однако все это никоим образом не говорит о «вреде» постмодернизма, а только о его переходном характере, о том, что прежний значительный цивилизационный период на Западе близится к завершению, а относительно нового этапа (и его возможностей) никакой ясности пока нет [33, с. 730]. Можно еще раз убедиться в том, что в истории нет раз и навсегда установленных истин, что все может повернуться по-другому, никакая проблема не может считаться окончательно решенной, никакое цивилизационное соперничество – разрешенным раз и навсегда.

Из всего сказанного с очевидностью следует, что постмодернистское отрицание либерализма – это не обычная борьба мировоззренческих установок в рамках некой общей парадигмы, как бывало ранее. Налицо смена самой парадигмы права в общественном сознании народных масс, родившейся в античности, утвердившейся с победой монотеизма и пережившей бурную историю кризисов и взрывного развития на протяжении новоевропейской истории.

Интересно отметить, что к 50-летию ООН международной неправительственной организацией – Советом взаимодействия, куда входят бывшие главы государств и правительств различных стран всех континентов, была выдвинута инициатива, связанная с принятием Всеобщей декларации обязанностей человека (A Universal Declaration of Human Responsibilities), задуманной как необходимое дополнение к Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

В Докладе о заключениях и рекомендациях по итогам венской встречи группы высокопоставленных экспертов по вопросам глобальных этических норм (20 – 22 апреля 1997), подготовленном по просьбе Совета взаимодействия при подготовке проекта Всеобщей декларации обязанностей человека, в частности, отмечалось, что «тот факт, что вместо Всеобщей декларации обязанностей человека была начертана Всеобщая декларация прав человека несомненно отражает философскую и культурную основу составителей этого документа, которые, как мы знаем, представляли западные державы и были победителями во Второй мировой войне». Однако без соответствующего равновесия неограниченная свобода столь же опасна, как и навязанная социальная ответственность. Огромная социальная несправедливость явилась следствием крайностей экономической свободы и капиталистической зависти, в то время как жестокое подавление экономической свободы оправдывалось во имя интересов общества и идеалов коммунизма. «Концепция обязанностей человека способствует созданию равновесия между понятиями свободы и ответственности: в то время как права относятся в большей мере к свободе, обязанности связаны с ответственностью» [34].

Как бы то ни было несомненно одно: как бы ни старались коллективными усилиями устранить вызовы, стоящие перед либерализмом, и независимо от того, будет или у нас больше или меньше индивидуальных и коллективных прав человека, лежащих в основе российского права, все еще переориентирующегося на западные либеральные ценности, последние уже никогда не будут такими, какими мы их знаем на протяжении двух веков.

В этой связи вновь вытянутый «конец истории» известным апологетом американского истеблишмента и футурологом Ф. Фукуямой [35], по случаю достижения человечеством либеральной демократии как конечного пункта идеологической эволюции и окончательной формы правления в обществе, уже не кажется столь очевидным и убедительным.

Будет ли либеральная демократия похожа на сегодняшнюю западную, кто станет ее главным потребителем – эти вопросы пока остаются у Ф. Фукуямы без ответа и в его новом серьезном труде «Будущее истории» [36].

«Европейцы внесли великий культурный вклад в наше общее человеческое предприятие, – замечает И.Валлерстайн, – но просто неправда, что за десять тысяч лет они стали более великими, чем другие цивилизации, и нет никаких оснований полагать, что в грядущее тысячелетие станет меньше мест проявления человеческой мудрости. Активная замена современных европоцентристских пристрастий на более трезвое и сбалансированное чувство истории и его культурную оценку потребует острой и постоянной политической и культурной борьбы. Она взывает не к новому фанатизму. Но к тяжелой интеллектуальной работе, коллективной и индивидуальной». Необходимо также взять понятие прав человека и основательно поработать с ним с тем, чтобы сделать его равно применимым к «нам» и к «ним», к гражданам и к «чужакам» [28, с. 250].

Этой же цели, на наш взгляд, содействует и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 56/6 от 09.11.2001 г. «Глобальная повестка для диалога между цивилизациями», направленная на выявление и поощрение того, что объединяет цивилизации в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях и сведение разных подходов в единое целое (ст. 1 – 9).

Но, как следует из известного афоризма Гегеля, «Сова Минервы (богини мудрости в римской мифологии, соответствующей греческой Афине Палладе - М.С.) начинает свой вылет лишь с наступлением сумерек» [37, с. 56], т.е. философская мудрость всегда запаздывает и приходит лишь к концу эпохи, которую пытается осмыслить.

Вместе с тем разрыв между нормой и практикой, как указывал Л.И. Петражицкий, всегда служил источником появления новых (в соответствии с социокультурными сдвигами) правовых представлений о должном, нормативных убеждений, мотивов, называемых им «интуитивным правом» [24, с. 883 – 884]. Еще одним подтверждением тому служит опыт стран «третьего мира».

Так, с ситуацией, переживаемой сегодня Россией, в свое время столкнулись многие страны Востока, в которых отсутствие духовной и материальной базы для воспроизводства воспринятых западных либеральных образцов грозило очередным витком политической нестабильности и экономической стагнации, кризисных явлений в области права, грубейших нарушений прав человека и духовной деградации общества [38].

Тем не менее некоторые из них сумели, причем весьма небезуспешно, извлечь для себя полезные уроки, в необходимых случаях опираясь на собственные социокультурные ценности, охватывающие политико-правовые особенности этих стран.

При этом существенное значение в анализе путей и средств преодоления кризиса легитимности в условиях модернизации этих обществ видные современные социологи и специалисты в области теории цивилизаций, такие как Ш. Эйзенштадт [39] и др., придавали роли традиций не как дихотомного начала, противостоящего современности, а именно как специфики (самобытности), связанной с той или иной цивилизационной системой.

Применительно к современной конфигурации российской цивилизации с учетом ее социокультурной гетерогенности и колебательных контуров (инверсионных поворотов) – «срывов» и «взрывов», ставших предметом особого внимания со стороны современных исследователей) наиболее важной частью решения задачи обеспечения легитимности и динамики юридических норм в процессе модернизации общества и права является поиск компромиссных, центристских политических, в том числе правовых, решений, которые бы способствовали формированию «срединной» культуры («золотой середины»), обеспечивающей участие в системе общественного самоуправления различных социальных, этнических и конфессиональных общностей, максимально соответствовали весьма неустойчивому и трудноуловимому ценностно-смысловому цивилизационному ядру в правовой культуре самых широких слоев населения страны и в то же время учитывали «достижительные» ориентации западных стран, отражаемые во «внутренней» (профессиональной) правовой культуре.

Легитимность права, таким образом, непосредственно зависит от приоритетов и целей правовой политики, от способности властей, элитарных групп создавать и поддерживать представления о справедливости и обоснованности юридических институтов и норм, их адекватности социокультурной среде российского общества.

Но вся драматичность, если не трагичность, нынешней ситуации в России с ее духовными традициями, отдающими приоритет духовно-нравственному согласию индивида с общественными и общественно-государственными ценностями, разделяемыми большинством населения страны, заключается в том, что в стране до сих пор отсутствует четкая государственная стратегия интегрированного развития общества, без которой, особенно ее культурной составляющей (сводимой порой лишь к отрасли экономики [40]), в том числе в правотворческой сфере, при одном лишь совершенствовании юридических средств невозможно обеспечить легитимность права.

Впрочем, как однажды тонко заметил А. Энштейн, «совершенные средства при неясных целях – характерный признак нашего времени»[41].

В последнее время на фоне спорадически раздающихся призывов «реабилитировать» законодательные реформы 90-е годов [42], которые с какого-то времени стали называть «лихими» не только учеными-обществоведами, но и государственными деятелями, политиками все более активно используется понятие «российская цивилизация». Подтверждением тому служит, в частности, вторая программная статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованная в «Независимой газете» 23.01.2012 г. Изложенные в ней идеи сохранения и укрепления «единого культурного кода», лежащего в основе уникальной российской «цивилизационной идентичности, которой нет у других», учета национальных и религиозных особенностей в действующем законодательстве и построения «государства-цивилизации, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий», вызвали не меньшую волну обсуждения, чем его первая программная статья, посвященная идее Евразийского союза, а, по мнению некоторых аналитиков, возможно даже большую.

Цивилизационная рефлексия очевидно востребована отечественной модернизацией. Описанный М. Вебером формально-рациональный тип легитимности, лежащий в основе «легального господства» (когда по выражению К. Шмитта слова «легитимный» или «авторитет» используются лишь как

выражение легальности и лишь как ее производные [43, с. 230]) в чистом виде не имел и не имеет эмпирического осуществления ни в одном из современных государств. Даже в Западной Европе (Англии, Нидерландах, Бельгии и др.) важную роль в институционализации либеральной демократии сыграл, как указывает С.М. Липсет, традиционный тип легитимности, связанный с сохранением государственно-правового института монархии, обеспечившего постепенность демократических преобразований, без резкого разрыва с прошлым [44]. Конечно, право может черпать свою авторитет из нескольких источников или типов легитимности. Но соотношение между ними в конечном счете обусловливается социокультурной (цивилизационной) спецификой общества.

Фактически сама жизнь заставляет учитывать значимость национальных и цивилизационных особенностей, игнорирование которых способно свести на нет процессы модернизации.

Опыт законодательных реформ России и других стран свидетельствует о том, что для их признания (большинством населения) и успешного проведения в условиях модернизации требуется, чтобы соответствующие реформы соответствовали бы социокультурному (цивилизационному) пространству, в котором они осуществляются, т.е. были санкционированы ментальностью и культурными архетипами самых широких слоев полиэтнического населения страны. Но само понятие «цивилизация», используемое в политике, часто означает всего лишь набор предвыборных слов или используется в качестве «универсальной отмычки», позволяющей обосновывать те или иные идеологические особенности. В результате такого обращения с понятием «цивилизация», вне какой-либо научной теории, может произойти его девальвация, а цивилизационный взгляд на Россию (и ее государственность, право. – М.С.) рискует утратить кредит не только научного, но и общественного доверия.

В этой ситуации особенно важно предлагать систематизированный подход, целостную позицию, в которой прописаны теоретические основания. Существенными компонентами формирующейся традиции цивилизационного анализа являются утверждение критериев научной обоснованности и системности выводов, соразмерности итоговых суждений, объему привлекаемого эмпирического материала; адекватного сверхсложному объекту исследований междисциплинарного подхода и т.д. [23, с. 670].

Далеко не случайно в постановлении Президиума РАН № 232 от 08.04.2008 г. «Об утверждении основных направлений научной деятельности Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН» в качестве одного из приоритетных направлений научной деятельности Института указано «исследование концептуальных проблем российской государственности на основе цивилизационного подхода с учетом происходящих процессов глобализации» (п.1).

Необходим также поиск путей использования исходных алгоритмов российской культуры (как особого типа цивилизации) в решении аналитических и практических задач легитимации и развития российского права с учетом динамики глобальной культуры, совместимой с постиндустриальными экономическими связями.

Литература

1. *Яковенко Г.В.* Познание России: цивилизационный анализ. М., 2012.

2. Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М., 2008.

3. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.

4. *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре. М., 2004.

5. См., например: Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1984.

6. *Супатаев М.А*. Культурология и право. М., 1998.

7. *Гайденко П.П.* Социология Макса Вебера. – Вебер М. Цит. произв., С. 19.

8. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011, С. 112. Реализация права, опирающаяся на страх, никогда не приводила к желаемым результатам. По этой причине, на наш взгляд, едва ли оправданно включать в понятие авторитетности права, рассматриваемое в цитируемом исследовании проф. О.Э. Лейста, «общепризнанную обязательность права, опирающуюся на страх» (Там же, С. 109).

9. Подробнее см.: *Пелипенко А.А*. Постижение культуры. В 2 ч. Ч.1. Культура и смысл. М., 2012.

10. *Sorokin P.* Sociological Theories of Today. N.Y, 1966.

11. *Триандис Гарри.К.* Культура и социальное поведение. М., 2011.

12. *Арутюнов С.А*. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследование по общей этнографии. М., 1979.

13. *Naumann H.* Primitive Gemeinshafts. Jena, 1921.

14. *Merryman J.H.* SLADE: A Memoir. – Legal Culture in the Age of Globalization. Latin America and Latin Europe. Stanford. 2003.

15. *Нерсесянц В.С*. Философия права. М., 2008.

16. *Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И*. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 10.

17. *Лисицын-Светланов А.Г.* Роль права в модернизации экономики России. М., 2011.

18. *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.

19. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

20. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1–2. Новосибирск, 1997–1998.

21. Попутно заметим, что при анализе соответствующего этапа распространения элементов культуры с точки зрения теории коммуникации выражаемых в сообщениях следует также иметь в виду достаточно частое искажение содержания сообщений культуры, вызываемое средствами массовой информации, различными бедствиями (войнами, революциями, эпидемиями и т.п.), «придающими всей культуре свой образ и подобие», и др. (*Моль А*. Социодинамика культуры. М.,1973; *Сорокин П.* Человек и общество в условиях бедствий. СПб., 2012).

22. *Glenn H.* Patric Legal Traditions of the World. Oxford, 2000.

23. *Яковенко И*., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2011.

24. *Петражицкий Л.И*. INEDITA – Теория и политика права // Избранные труды, СПб., 2010.

25. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 3. М., 1995.

26. *Леонтьев М., Юрьев М., Хазин М., Уткин А.* Крепость Россия: прощание с либерализмом. М., 2005.

27. *Пелипенко А.А.* Время сладких лекарств кончилось // *Яковенко И., Музыканстский А*. Указ. соч. С. 12.

28. *Валлерстайн И*. После либерализма. М., 2003.

29. Права человека и правовое социальное государство в России. М., 2011.

30. *Хабермас Ю*. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.

31. *Дерида Ж*. Письмо и различие. М., 2007, С.5 Критика онтологической метафизики, проведенная Ж.Деррида, указывает Н.Луман, может толковаться так, что она предостерегает от переоценки настоящего как места присутствия смысла… (*Луман.Н*. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Кн. 5: Самоописания. М..2011, С. 584. Еще одним ярким выражением глобального кризиса западной культуры явилась философия феноменологии Э.Гуссереля, достигшая своей кульминации в современном экзистенциализме (*Гуссерель Э.* Логические исслндования. Т. 11. Ч. 1. Исследования по по феноменологии и теории познания. М., 2011 и др.). Обращение к ней определило одно из важнейших направлений в современном испано-американском правоведении (См.: *Кунц Дж.Л.* Введение в латиноамеиканскую философию права // Российский ежегодник теории права. СПб., 2009. №2. С. 388 – 391).

32. *Супатаев М.А.* К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории права. М., 2012.

33. *Саид Э.В.* Культура и империализм. СПб., 2012.

34. www.oneworld.ru/lueis-rus/goodwill/hum-resp.htm.

35. *Фукуяма Ф*. Конец истории и последний человек. М., 2004.

36. The Future of history. – Foreign Affairs, January/ February, 2012.

37. *Гегель Г.В.Ф*. Философия права. М., 1990.

38. *Супатаев М.А*. Право, культура, цивилизация в развивающихся странах. – Жеругов Р.Т. Теория государства и права. Москва – Нальчик, 1995.

39. *Eizenstadt S*. Modernization: Protest and Change. N.Y., 1966; Он же: Революции и преобразование обществ.

40. *Голодец О*. На культуру нужно тратить 1% ВВП, а не 0,53 как сейчас…fontanka.ru>2012/10/034/

41. «The Common Language of Science», a broadcast for Science. Conference, London, 28 September 1941. – Advancement of Science, L., 1941, Vol.2. № 5.

42. Гайдаровский форум /2013 «Россия и мир: вызовы интеграции», 16–19 января, 2013. М., 2013.

43. *Шмитт К*. Государство: Право и политика. М., 2013.

44. *Липсет С.М*. Размышления о легитимности // Апология, 2005, № 5.